

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ ГЕРМАНИИ

З. В. Изотова

Воронежский государственный университет

Аннотация: В работе представлены способы реализации категорий возможность и необходимость. В данной статье исследованию подвергаются частотность и функционирование основных значений и средств выражения указанных категорий в законодательных актах Германии. Критериями оценки являются функционально-семантическое поле и семантическая перспектива.

Ключевые слова: семантическая категория, функционально-семантическое поле, модальность.

Abstracts: The ways of representing of the categories of possibility and necessity are described. This article examines the frequency and use of main meanings of these categories in German legal texts. The Criteria of evaluation are functional and semantic field and semantic perspective.

Key words: semantic category, functional and semantic field, modality.

Развитие коммуникативного направления в языкознании последних лет предопределяет выделение функциональных категорий как инструментов анализа языковой системы в процессе ее употребления в различных сферах человеческой деятельности и общения. К таким категориям относятся и выбранные нами в качестве объекта исследования семантические категории *возможность* и *необходимость*, которые находятся в центре внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Е.И. Беляева, А.В. Бондарко, В.К. Гречко, К.В. Школина, Н. Germer, В. Matzke, G. Öhlschläger и др.). При всей значимости работ данных авторов, посвященных изучению специфики языковой реализации указанных категорий, ряд вопросов все же остается недостаточно изученным. Прежде всего, это касается сущностных характеристик категорий *возможность* и *необходимость* в их языковом преломлении, их отношения к понятию модальности, а также их прагматического аспекта. Кроме того, изучение указанных выше категорий проводилось преимущественно на материале текстов научно-технической (В.К. Гречко, Е. А. Зверева) и художественной литературы (Е. И. Беляева, А.В. Бондарко, К.В. Школина и др.) и анализу подвергались лишь отдельные средства их выражения.

В нашем исследовании впервые предпринята попытка проведения комплексного анализа категорий *возможность* и *необходимость* в законодательных актах Германии. Мы исходим из того, что наиболее полное представление о сущности данных категорий можно получить при анализе

законодательных текстов, потому что именно в законодательных текстах достигается предельно точное, конкретное определение возможного и должного поведения людей, границ возможного / невозможного, дозволенного / недозволенного, допустимого / недопустимого действия, в связи с чем в таких текстах наибольший удельный вес приобретает реализация категорий *возможность* и *необходимость*, специфика которых, насколько нам известно, в данном аспекте еще не подвергалась серьезному исследованию.

Материалом для исследования послужили законодательные акты Германии, регулирующие отношения в различных отраслях права: Уголовный кодекс (Strafgesetzbuch) (StGB), право обязательственных отношений как часть Германского Гражданского Уложения (ГГУ) (Recht der Schuldverhältnisse), Уголовно-процессуальный кодекс (Strafprozessordnung) (StPO), Закон о статусе иностранных граждан (Ausländergesetz) (AuslG). Анализу подвергаются 3000 предложений из текстов законов в различных отраслях права, содержащие средства реализации указанных категорий. Методом сплошной выборки нами было отобрано по 750 примеров из каждого законодательного акта.

Как известно, законы призваны регулировать общественную жизнь, а правовое регулирование осуществляется посредством юридических норм, которые «должны очерчивать границы *возможного* и *должного* — по праву — поведения, и издаются и вводятся в действие именно для того, чтобы содержащиеся в них положения о *должном* и *возможном* — становились при наличии определенных условий реальностью» [1]. Дифферен-

цияция норм права на *управомочивающие, запрещающие и обязывающие* подтверждает мысль о связи категорий *возможность* и *необходимость* с понятием правовой нормы, потому как содержащиеся в законах права, дозволения, запреты и обязывания должны найти языковое воплощение в законодательных актах. Вместе с тем, характер способов правового регулирования в юридическом дискурсе в целом определяет выбор между императивным и диспозитивным текстуальным построением правового материала. Диспозитивное построение правового материала заключается в языковом выражении предоставления лицу возможности действовать по своему усмотрению. Императивное построение правового материала исходит из определенных особенностей и мер принуждения, что и находит выражается в характере соответствующих языковых конструкции. Как отмечает И. С. Алексеева, «предписывающий характер информации передается с помощью глагольных структур со значением модальности возможности и модальности необходимости» [2].

Для описания основных средств реализации категорий *возможность* и *необходимость* в законодательных актах Германии нами используется понятие функционально-семантического поля, разработанное отечественным лингвистом А. В. Бондарко. Под ФСП понимается «двухстороннее содержательно-формальное единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той или иной семантической зоне» [3]. С нашей точки зрения, преимуществом такого подхода является описание средств различных уровней и выявление частотности их использования.

На языковом уровне категории *возможность* и *необходимость* входят в состав такой многоплановой категории как модальность. Однако до настоящего времени границы модальности, а также ее взаимоотношения с другими понятиями, в той или иной мере сопряженными с ней, определяются лингвистами по-разному, поэтому ее лингвистический статус нельзя считать установленным окончательно. При всем терминологическом разнообразии, которое мы находим в определении этой категории, наиболее общим моментом для большинства лингвистов является то, что модальность есть отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения

говорящего. Иначе говоря, семантическое содержание категории модальность состоит в оценочном отношении говорящего к сообщаемому» [4]. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов, модальность имеет место в том случае, когда «субъект речи квалифицирует то, о чем он сообщает как действительное, кажущееся, *возможное* или *необходимое*» [5].

Рассмотрев отдельные точки зрения на модальность, мы отмечаем важную роль в ней семантики возможности и необходимости, характеризующей действие как потенциальное, потому что как утверждает В.И. Карасик «возможное и *необходимое* — это прежде всего неналичивующее» [6].

Наиболее последовательной нам представляется интерпретация категорий возможности и необходимости, предложенная Е.И. Беляевой и С.Н. Цейтлин. В их понимании модальность возможности и необходимости представляет собой «разновидность предикативной модальности, отражающей оценку говорящим способа существования связи между предикатными предметами, т.е. объектом и его признаком» [7].

Модальность возможности, как и модальность необходимости по своему значению неоднородна. С содержательной точки зрения в пределах объективной модальности принято различать алетическую и деонтическую модальности возможности и необходимости. Различие между ними, как отмечает В.З. Панфилов, состоит в том, что в случае алетической модальности в предложении фиксируется возможность или необходимость с точки зрения реальных (физических) условий и состояний, а «в случае деонтической модальности в предложении выражаются возможность и необходимость с точки зрения этических правил и общественных норм» [8].

В ходе исследования законодательных актов Германии мы приходим к выводу, что, общей чертой всех законодательных актов является преобладание в них деонтической модальности, т.е. модальности, которая предопределяется нормами поведения в обществе, т.к. «деонтическая модальность связана с долгом, с требованиями, предъявляемыми к участникам той или иной ситуации» [9]. Поэтому алетическая модальность, обусловленная физическими или психическими качествами субъекта, которая находит выражение в немецком языке преимущественно при помощи таких средства как *fähig sein, in der Lage sein, imstande sein, möglich sein*, представлена в текстах данного дискурса крайне редко: в обязательствен-

ном праве (1 % примеров) и в Уголовном кодексе (1 % примеров), и вообще не находит отражения в Уголовно-процессуальном кодексе и в Законе о статусе иностранных граждан.

Как показали наблюдения, отличия в реализации категорий возможности и необходимости в отдельных видах законодательства обнаруживаются в наборе и соотношении их частных значений и в способах их языковой репрезентации. Каждый из указанных законодательных актов в силу своей прагматики обладает определенным набором значений, при помощи которых реализуются категории *возможность* и *необходимость* и значения эти представлены в различных отраслях права неодинаково. Так, категория *возможность* представлена в законодательных актах следующими значениями: 'предоставление права' (*Berechtigung*), 'разрешение' (*Erlaubnis*), 'допустимость' (*Zulässigkeit*), 'запрещение' (*Verbot*) и 'возможность, ограниченная определенными рамками' (*eingeschränkte Möglichkeit*). Примечательно, что для всех указанных выше законодательных актов характерно то, что при реализации категории *возможность* доминирующим значением является значение 'предоставления права'. В обязательственном праве в данном значении зафиксировано 83 %, в Уголовно-процессуальном кодексе — 61,2%, в Уголовном кодексе — 55,5 % и в Законе о статусе иностранных граждан — 51,5 % исследованных норм. Это, по-видимому, объясняется прагматическими особенностями законодательных текстов, цель которых заключается в установлении полномочий и предоставлении прав. Соотношение остальных значений, в которых реализуется категория *возможность*, представлено в табл. 1.

Основным средством выражения значения 'предоставление права' в исследуемых законодательных актах является глагол *konnen*, при этом речь идет о возможности субъекта реализовать свои права при определенных условиях, диктуемых

законом. Например, в обязательственном праве данный глагол служит преимущественно для реализации значения предоставления права осуществить то или иное действие конкретному лицу (арендатору, должнику и др.):

Der Gläubiger kann die Leistung ablehnen, wenn der Schuldner widerspricht (Recht der Schuldverhältnisse, §267, S. 47).

К дополнительным средствам реализации значения 'предоставление права' относятся: в обязательственном праве — конструкции *berechtigt sein* (31 % примеров) и *Recht haben* (1 % примеров), в Уголовно-процессуальном кодексе — конструкции *berechtigt sein* (7% примеров) и *befugt sein* (3 % примеров), глагол *zustehen* (2 % примеров) и конструкция *Anspruch haben* (0,2 % примеров). В Уголовном кодексе присутствует конструкция *berechtigt sein* (0,5% примеров, а в Законе о статусе иностранных граждан — конструкции *ermächtigt sein* (1,5% примеров) и *Anspruch haben* (1% примеров).

Что касается категории *необходимость*, то она реализуется в исследованных законодательных актах также при помощи целого ряда значений, таких как 'предписание' (*Anordnung*), 'обязанность' (*Verpflichtung*), 'обязательность совершения действия' (*Verbindlichkeit*) и 'требование' (*Forderung*). Все указанные значения по-разному представлены в отдельных текстах законов, а доминирующим значением для трех законодательных актов (Уголовно-процессуальный кодекс, Закон о статусе иностранных граждан и Уголовный кодекс) является значение 'предписание', соответственно в Уголовно-процессуальном кодексе — 58 %, в Законе об иностранцах — 57 %, в Уголовном кодексе — 49 % исследованных примеров. При этом средствами реализации значения предписания служат конструкция *sein+zu+Infinitiv* и глагол *sollen*. Конструкция *sein+zu+Infinitiv* неоднократно подвергались исследованию и авторы (Л.А. Алексанова, В.К. Гречко, Б. Матцке) отмечали тот факт, что

Таблица 1

Соотношение значений категории возможность в отдельных законодательных актах Германии (в %)

Уголовный кодекс	Обязательственное право	Уголовно-процессуальный кодекс	Закон об статусе иностранных граждан
запрещение 19%	разрешение 9,5 %	разрешение 17 %	разрешение 26 %
ограниченная возможность 11 %	допустимость 4 %	допустимость 11,8 %	запрещение 13 %
разрешение 8,5 %	Ограниченная возможность 2 %	запрещение 6,5 %	допустимость 8,5 %
допустимость 5 %	запрещение 0,5%	ограниченная возможность 3,5 %	ограниченная возможность 1 %

она может быть использована для выражения и категории *возможность* и категории *необходимость* и что ее значение можно определить только при привлечении широкого контекста [10].

Как показали наблюдения, в законодательных актах конструкция *sein+zu+Infinitiv* в 98% используется для выражения необходимости принятия мер или проведении процессуальных действий, например, в Уголовно-процессуальном кодексе:

Das Ablehnungsgesuch ist bei dem Gericht, dem der Richter angehört anzubringen (StPO, § 26, S. 10).

Глагол *sollen*, как отмечают исследователи В.В. Дружинина и К.Келлер содержит «указание на наличие чужой воли (*einen fremden Willen*), а выраженное им предписание рассматривается как «действующее для всех правило» (*Allgemeingültige Regel*)» [11]. Поэтому предписание с глаголом *sollen* носит категоричный характер и должно быть исполнено неукоснительно. Так, например, с помощью данного глагола в Законе о статусе иностранных граждан обосновывается необходимость выезда из страны:

Die Abschiebung soll schriftlich unter Bestimmung einer Ausreisepflicht angedroht werden (AuslG, §50, S. 21).

Что касается обязательственного права, то в нем преобладает значение «*обязанность*» — 69% примеров, т.к. данная отрасль права имеет дело с организацией обычных имущественных отношений. Именно поэтому оно содержит минимальное количество запретов и максимум возможных дозволений и обязанностей. К доминирующим средствам выражения значения «*обязанность*» в обязательственном праве относятся: конструкции *haben+zu+Infinitiv* и *verpflichtet sein*, а также глагол *sich verpflichten*, которые служат для указания на обязанность совершения действия одним из участников гражданского оборота.

Глагол *sich verpflichten* используется в обязательственном праве в случае, если лицо берет на себя обязательство исполнить действие, обусловленное договором:

Durch die Annahme eines Auftrags verpflichtet sich der Beauftragte, ein ihm übertragenes Geschäft zu

besorgen (Recht der Schuldverhältnisse, § 662, S. 137). Соотношение остальных значений необходимости совершения действия представлено в табл. 2.

В результате проведенного исследования нами были выявлены средства выражения, характерные только для конкретного законодательного текста. Так, например, только в Законе об иностранцах можно встретить прилагательные со значением обязанности (*visumspflichtig, ausreisepflichtig*), сочетание *ermächtigt sein* — в значении наделения полномочиями для осуществления действий, и *erlaubt sein* в значении разрешения. Только в Уголовно-процессуальном кодексе можно встретить конструкцию *statthaft sein* (в значении допущения) и *verboten sein* (в значении запрещения), а также глагол *zustehen* в значении предоставления права. Для обязательственного права и Закона о статусе иностранных граждан характерно использование глагола *sich verpflichten* в значении обязанности. Только в Уголовно-процессуальном праве имеет место конструкция *brauchen+zu+Infinitiv Passiv*, реализующая значение необходимости, обусловленной нормами закона. В Уголовном кодексе в значении необходимости осуществления действия используется прилагательное с суффиксом *-bar (strafbar)*. В трех законодательных актах (за исключением Уголовного кодекса) зафиксирована конструкция *zu+Partizip I (der zu ersetzende Betrag, die seinem Pfandrecht unterliegenden Sachen u др.)*, указывающая на действие, которое должно быть осуществлено в будущем.

Примечательно, что на распределение средств реализации категорий *возможность* и *необходимость* оказывает влияние и семантическая перспектива высказывания, которая диктует потребность подведения события под тот или иной тип семантического предиката и представляет альтернативные способы семантического и синтаксического описания единой ситуации внеязыковой действительности. Как отмечает В.И. Кураков, «семантическая перспектива диктует не только обязательное присутствие в языковой системе альтернативных вариантов глагольной лексемы, в соответствии с тем, под какие категории события

Таблица 2

Соотношение значений категории *необходимость* в отдельных законодательных актах Германии (в %)

Уголовный кодекс	Обязательственное право	Уголовно-процессуальное право	Закон о статусе иностранных граждан
обязательность 22 %	предписание 19 %	обязанность 22,5 %	требование 23,5 %
требование 20 %	требование 9 %	обязательность 18,5 %	обязанность 18,5 %
обязанность 9 %	обязательность 3 %	требование 1 %	обязательность 1 %

может быть подведена называемая ею ситуация действительности, но и располагает соответствующим арсеналом способов образования таких альтернативных вариантов» [12]. Выдвижение того или иного элемента ситуации на позицию логического субъекта определяет характер использования языковых средств. В законодательных актах на роль логического субъекта могут выдвигаться: 1) инстанция или должностное лицо (суд, Ведомство о делах иностранцев, судья, следователь, адвокат и др.); 2) участник юридической ситуации (обвиняемый, кредитор, истец); 3) действие (обыск, конфискация, допрос). Эти три семантические перспективы регулируют распределение средств выражения как категории *возможность*, так и категории *необходимость*. Так, например, конструкция *befugt sein* в значении предоставления полномочий, служащая для реализации категории *возможность*, используется в исследованных законодательных актах только в случае выдвижения на позицию логического субъекта инстанции или должностного лица, например:

Das Gericht ist stets befugt, das persönliche Erscheinen des Angeklagten anzuordnen und durch einen Vorführungsbefehl oder Haftbefehl zu erzwingen (StPO, § 127, S. 44).

В обязательственном праве (если речь идет о разрешении или наделении правами) на позиции логического субъекта выступает уже не должностное лицо или инстанция, а участник гражданского оборота (должник, кредитор или арендатор), которому предоставляется разрешение совершить определенное действие:

Der Pächter darf die landwirtschaftliche Bestimmung der Pachtsache nur mit vorheriger Erlaubnis des Verpächters ändern (Recht der Schuldverhältnisse, § 590, S. 110).

Конструкции *statthaft sein* и *zulässig sein* в значении допустимости совершения действия имеют место в Уголовно-процессуальном кодексе только в том случае, если на позицию логического субъекта выдвигается действие:

Zur Besichtigung und Öffnung einer schon beerdigten Leiche ist ihre Ausgrabung statthaft (StPO, § 87, S. 23).

При реализации категории *необходимость* глаголы *obliegen*, *unterliegen*, *bedürfen* имеют место в законодательных актах только в том случае, если на позицию логического субъекта выносится действие:

Die Überwachung obliegt dem zuständigen Gericht (StPO, §453b, S. 24)

В заключении можно сделать общий вывод о том, что категории *возможность* и *необходимость* представлены в каждом из исследованных нами текстов закона и реализуются в зависимости от прагматической установки целой системой частных значений, соотношение которых варьируется в различных отраслях права. При этом определенные структуры, характерные для их выражения можно встретить только в отдельных законодательных актах. Проведенный анализ показал, что характер содержательной и формальной реализации категорий *возможность* и *необходимость* зависит от прагматической направленности каждой отдельно проанализированной отрасли права, а на распределение средств выражения указанных категорий оказывает влияние семантическая перспектива высказывания. Сопоставив значения, в которых реализуются категории *возможность* и *необходимость*, мы отмечаем, что к дозволениям тяготеет Закон о статусе иностранных граждан, к запрещениям — Уголовный кодекс, а к обязываниям — Уголовно-процессуальный кодекс и обязывательственное право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного анализа / С.С. Алексеев. — М.: Статут, 1999. — 756 с. (С.33).
2. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие / И.С. Алексеева. — СПб.: Союз, 2003. — 288 с. (С. 217).
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. — М.: УРСС, 2001. — 207с. (С. 40).
4. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 1999. — 274 с. (С. 222).
5. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов — М.: Наука, 1981. — 335 с (С. 242).
6. Карасик В.И. Модально-статусное значение / В.И. Карасик // Язык социального статуса. — М.: Гнозис, 2002. — С. 209-231. (С. 209).
7. Беляева Е.И. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности / Е.И. Беляева, С.Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — М.: Наука, 1990. — С. 121-156. (С. 123).
8. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. — М.: Наука, 1982. — 187 с. (С. 166).
9. Бабушкин А.П. Возможные миры в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. — Воронеж: Изд-во Воронежск. у-нта, 2001. — 86 с. (С. 15—16).

10. *Matzke B.* Die Modalität der Fügung *sein+zu+Infinitiv* in juristischen Texten / В. Matzke // *Deutsch als Fremdsprache*. — 1988. — Heft 2. — Leipzig, 1988. — S. 72—74. (S.72).

11. *Дружинина В.В.* Модальность в языке и речи : учебник / В.В. Дружинина, К. Келлер. — М. : Высшая школа, 1986. — 95 с. (С. 27).

12. *Кураков В.И.* Семантическая перспектива и ее значение для становления и интерпретации языковых явлений / В.И. Кураков // *Предложение и слово : сб. науч. тр.* — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. — С. 233—237. (С. 233).

ИСТОЧНИКИ

1. *Recht der Schuldverhältnisse // Bürgerliches Gesetzbuch*. Textausgabe. — 48., überarbeitete Auflage, Stand: 20. Dezember 2000. — München: Deutscher Taschenbuch verlag, 2001 (BGB).

2. *Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998*. — Baden — Baden: Nomos Gesellschaft, 2000 (StGB).

3. *Strafprozessordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987*. — Baden-Baden: Nomos Gesellschaft, 2000 (StPO).

4. *Gesetz über die Einreise und den Aufenthalt von Ausländern im Bundesgebiet vom 9. Juli 1990 (Ausländergesetz)*. — Baden-Baden, 2000 (AuslG).